

Князь Данило-Говорило.

Въ годы давніе, старинные,
Въ царствѣ нѣкоемъ, невѣдомомъ,
Много лѣтъ жила княгинюшка
Со своимъ сынкомъ да дочкою,—
Двумя дѣтками пригожими,
Бѣлотѣлыми, дородными.

Какъ-то разъ къ ней вѣдьма старая
Забралась и княжихъ дѣточекъ
Принялась хвалить-расхваливать;
Перстенецъ потомъ золоченый
Подала княгинѣ-матери
И такое слово молвила:

— „Ты надѣнь кольцо, княгинюшка,
„Своему сынку на рученьку:
„Съ нимъ богатъ онъ будетъ вволюшку
„И счастливъ на зависть всякому;
„Лишь хранилъ его-бы бережно,
„Лишь бы такъ онъ выбралъ дѣвицу,
„Чтобъ ей перстень былъ по рученькѣ“.
Перстенецъ взяла княгинюшка,

Отпустила вѣдѣму съ честію,
И предѣ смертью сыну милому
Такъ сказала про супружество:
— Выбирай жену да бережно,
„Чтобъ кольцо пришлось ей по-руку“.

Время дальше подвигается,
Сынъ растетъ, умнѣй становится.
Выросъ, сталъ невѣсть выглядывать;
Вотъ одна, другая нравится,
А колечко, какъ помѣряютъ —
Не по ручеѣ все приходится.
Ѣздилъ-Ѣздилъ онъ по округѣ,
Городовъ не мало видывалъ,
Перебралъ всѣхъ красныхъ дѣвушекъ —
И нигдѣ невѣсты суженой
Отыскать не посчастливилось!
Воротился князь, задумался.
— „Милый братъ, о чемъ кручинишься?“
Начала сестрица спрашивать.
Разсказалъ онъ ей заботушку,
Свое горе безысходное..
— „Вотъ колечко-то мудреное!“
Удивилась красна-дѣвица: —
„Дай-ка я его помѣряю“.
Вмигъ княжна на пальчикъ бѣленькій
Вздѣла то колечко дивное —

И оно сейчасъ вокругъ пальчика
Засіяло и обвилоса,
Словно было по немъ вылито.
— „Ахъ, сестра!“ воскликнулъ молодецъ, —
„Ты—невѣста моя милая!
„Взять тебя мнѣ замужъ велѣно!“
— „Что ты, братъ, бойся Господа:
„На родной сестрѣ не женятся!“
Но не слушалъ князь и, счастливый,
Приказалъ къ вѣнцу готовиться.
Залилась слезами дѣвица,
Вышла вонъ скорѣй изъ горенки,
На порогъ крыльца уѣлася,
И горюетъ, убивается.

Идутъ мимо двѣ прохожія,
Старушонки многолѣтнія;
Зазвала княжна ихъ въ горенку
Отдохнуть съ пути-дороженьки.
Стали старыя разспрашивать,
Что за горе съ ней случилось?
Имъ княжна про все повѣдала..
— „Не тужи! Тутъ плакать не о чемъ!“
Говорятъ княжнѣ прохожія; —
„Уходи къ себѣ въ свѣтелочку,
„Смастери четыре куколки
„И въ углы ихъ поразсаживай;
„Станетъ братъ къ вѣнчанью требовать —

„Отвѣчай, что тотчасъ явишься,

„А сама седи, не двигайся“.—

Вотъ ушли старушки добрыя,

Князь къ вѣнчанью изготовился

И сестрицу въ церковь кликаетъ.

— „Я сейчасъ!“ княжна отвѣтствуетъ; —

„Съ башмачкомъ вотъ только справлюся“

А въ углахъ кукують куколки:

„Куку, князь Данило!

„Куку, Говорило!

„Сестру братъ беретъ,

„Въ храмъ Божій зоветъ;

„Земля разступись!

„Сестра провались!“

И земля вдругъ разступается,

Поглотить княжну собирается.

Князь сестрицу снова кликаетъ

— „Я сейчасъ!“ сестра отвѣтствуетъ;

„Только поясъ-вотъ распутаю“.

А въ углахъ кукують куколки:

„Куку, князь Данило!

„Куку, Говорило!

„Сестру братъ беретъ,

„Въ храмъ Божій зоветъ;

„Земля разступись!

„Сестра провались!“

Ужъ видна одна головушка..
Въ третій разъ сестру братъ кликаетъ
— „Я сейчасъ!“ княжна отвѣтствуетъ; —
„Только серьги вдѣтъ осталось“.
Куклы знай перекликаются,
А княжна совсѣмъ скрывается.
Братъ выходитъ изъ терпѣнія;
Разсерженный въ двери ломится;
Двери съ петель повалилися,
Князь вбѣжалъ—все пусто въ горенкѣ!
Лишь сидятъ четыре куклолки
Да поютъ все ту-же пѣсенку.
Князь схватилъ ихъ и со злобою
Побросалъ въ огонь немедленно.

А княжна межъ тѣмъ спустилася
Въ міръ подземный, въ преисподнюю .
Шла тропой и вдругъ увидѣла—
Передъ ней избушка старая
На куриныхъ ножкахъ вертится.
Говоритъ она избушечкѣ:
— „Стань ты задомъ къ лѣсу темному,
„А ко мнѣ немедля передомъ“.

Вмигъ избушка повернулася
Дверь входная отворилася,
А за ней дѣвица красная,
Мастерица настоящая,
У окна ширинку тонкую

Вышиваетъ чистымъ золотомъ.
Гостью встрѣтила привѣтливо
И, вздохнувъ, сказала горестно:
— „Ой, зачѣмъ, сестрица-душенька,
„Забралась ты въ нашу сторону?
„Здѣсь живетъ колдунья страшная;
„Прилетитъ—куда ты дѣнешься?“
Испугалась гостя бѣдная,
А укрыться видить некуда;
За ширинку сѣла съ дѣвицей,
Шьютъ вдвоемъ да убиваются.
Долго-ль время шло, коротко-ли,
Вдругъ изъ лѣсу имъ послышалось,
Что летитъ домой хозяйшка;
Мигомъ гостью красна-дѣвица,
Обернувъ иглой, въ вѣничекъ
Заложила и поставила
Въ уголокъ, за самой печкою.
Только дѣвица управилась,
Прилетѣла вѣдьма страшная:
— „Фу-фу-фу! Никакъ, голубушка,
„Русскій духъ здѣсь, словно чутся?“
— „Что за диво!? та отвѣтствуетъ —
„Были здѣсь вѣчоръ прохожіе,—
„Пить съ дороги захотѣлося“.
— „Что-же ихъ ты не оставила?“
— „Да ужъ стары очень, бабушка,—

„Ты-бы зубы всё испортила!“
— „То-то знай впередъ: старательно
„Зазывай въ избушку всякаго,
„А назадъ пускать—ни душеньки!“
Наказала—и отправилась.

Сѣли дѣвушки за вышивку,
Шьютъ—сидятъ да улыбаются.
Возвратилась вѣдьма злющая,
Носомъ водить по избушечкѣ:
— „Фу-фу-фу! Сдается, дѣвушка,
„Русскій духъ здѣсь, словно, чувствуется!“
— „Что мудренаго: два странника
„Заходили платью высушить;
„Оставляла я ихъ ужинать—
„Ни за что не согласились“.
Поворчала вѣдьма съ голоду, —
Три денька она не кушала—
И помчалась за добычею.

Отсидѣлась гостя въ вѣнчикѣ.
Принялись ширинку дѣвушки
Дошивать, вдвоемъ придумывать,
Какъ уйти отъ злой судьбинушки.
Вдругъ неожиданно и нежданно
Прилетаетъ вѣдьма въ горницу:
— „Фу-фу-фу! Теперь навѣрное
„Русскій духъ здѣсь проявляется!“
— „Видишь — гостя дожидается“,

Отвѣчаетъ красна-дѣвица.
Обмерла княжна, увидѣвши
Вѣдму злую, безобразную!
— „Ну, чего сложили рученьки?“
На дѣвицъ она накинулась;—
„Дровъ скорѣй сюда березовыхъ
„Да топите печку до-красна!“
Натаскали дровъ съ полгорницы,
Затопили печь огромную
До того, что хлещетъ полымя!
Взявъ лопату, вѣдма ласково
Начала княжнѣ приказывать:
„Ну, садись, садись, красавица!“
Та усѣлась. Вѣдма двинула
Гостью въ устье; та-жъ немедленно
Ножкой за печь уцѣпилася.
— „Аль какъ сѣсть не знаешь, дѣвушка?
„Ты смотри, садись какъ слѣдуетъ!“
Та поправилась, какъ велѣно.
Вѣдма въ устье ее двинула,
А княжна опять, не мѣшкая,
Ножкой за печь удержалася.
— „Эй шалишь, шалишь, красавица!“
На княжну старуха крикнула;—
„Ты должна сидѣть смирнехонько,
„Вотъ какъ я теперь усѣлася“.
И сама старуха шлепнулась

На лопату, ноги вытянуть.
Мигомъ въ печку ее дѣвушки
Посадили, печь замазали,
Завалили входъ колодами
И, схвативъ ширинку шитую,
Щетку, гребень наговорные,
Побѣжали, какъ безумныя.

Долго-ль время шло, коротко-ли,
Оглянулись, видятъ гонится,
Съ пѣной у рта, вѣдьма лютая.
И свистить змѣинымъ посвистомъ.
Какъ тутъ быть? Скорѣе дѣвушки
За собою щетку бросили —
И густой тростникъ вдругъ выступилъ,
Полосой большой раскинулся.
Вѣдьма вмигъ когтями острыми
Прощипала тропку узкую
И пустилась за бѣглянками.
Гребень выбросили дѣвушки:
Поднялась дуброва темная...
Стала вѣдьма рвать съ корнями
Дубы толстыя, столѣтніе;
Продрала опять дороженьку
И помчалась за дѣвицами.
Тѣ изъ силъ уже повыбились
И ширинку златошвейную
За собой немедля бросили:—

Потекла рѣка огневая,
Словно озеро, широкая.
Взмыла вѣдма выше облака,
Пролетѣть надъ ней собирая,
Но середь пути свернулася
И въ огнѣ съ собой покончила.

Вотъ остались двѣ дѣвушки,
Двѣ голубки безпріютныя;
Всюду путь, а дѣться некуда!
Отдохнуть успѣлись въ рощицѣ.
Увидалъ ихъ княжій молодецъ,
Доложилъ немедля барину,
Что въ саду его явились
Не двѣ пташечки залетныя,
А двѣ чудныя красавицы,
Какъ воды двѣ капли схожія;
И одна сестрицей княжеской
Быть должна, но нѣтъ возможности
Различить, изъ нихъ которая.

Князь Данило зазвалъ дѣвушекъ,
Оглядѣлъ и вмигъ увѣрился,
Что не лжетъ ему тотъ молодецъ;
Какъ теперь дознаться истины?
— „А вотъ такъ: пузырь возьмите-ка“,
Надоумилъ князя молодецъ,—
„И, наливши кровью свѣжею,
„Подвяжите себѣ подъ руку;

„Лиходѣмъ я прикинулся
„И пырну въ пузырь подвязанный:
„Брызнетъ кровь—сестра объявится“.

Какъ сказалъ слуга—исполнили.
Кровь пошла—Данило раненымъ
Предъ дѣвцами прикинулся,
И сестра ему немедленно
Помогать, съ слезами, бросилась.
Вмигъ вскочилъ Данило радостный,
Приласкалъ сестрицу милую
И чрезъ день за князя знатнаго
Сговорилъ ее въ замужество;
Самъ-же взялъ кольцо завѣтное
И, увидѣвъ, что подруженькѣ
По рукѣ оно приходится,
Обвѣнчался съ ней не мѣшкая.

Стали жить всѣ припѣваючи,
Малыхъ дѣтокъ поджидаючи,
О быломъ не воспоминаючи.

Жила да была старуха съ сынкомъ;
Сынъ уродился дуракъ дуракомъ.
Поднялъ онъ какъ-то зерна три гороху,
Пашню удобрилъ, досталъ себѣ соху,
Зерна посеялъ и сталъ ожидать.
Только лишь началъ горохъ пробивать,
Дурень въ кусты подлѣ пашни забрался
И свой посѣвъ караулить принялся.
Вотъ на полоску журавль прибавилъ...

Дурень подкрался и вора схватилъ.
Сталъ его тотъ умолять о пощадѣ,
Дурень повелъ разговоръ о наградѣ.
Далъ жеребца ему воръ и сказалъ:
— „Если-бы денегъ ты вдругъ пожелалъ—
„Стой!“ ему молви; а вдоволь добудешь—
„Но!“ прикажи, коль приказъ не забудешь“.
— Сѣлъ на коня нашъ дуракъ и, ногой
Тенувъ его въ бокъ, закричалъ ему; „стой!“
Конь въ серебро въ тотъ-же мигъ превратился,—
Кверху ногами дуракъ покатился;
Послѣ, оправившись, „но!“ приказалъ,
Конь передъ дурнемъ по прежнему сталъ.
Дурню понравилось; дружно разстался
Онъ съ журавлемъ, на коня вновь взобрался
И превеселый домой покатилъ.
Дома старухъ онъ такъ запретилъ:
— „Стой!“ говорить жеребцу не годится,—
„Но!“ говори, коль закликнуть случится“.
Каши поѣлъ и въ дозоръ убѣжалъ.
Мать-же подумала: „вздоръ онъ болталъ;
„Дай-ка, скажу ему: „стой!“—и сказала:
Конь серебромъ, незамедливъ ни мало,
Съ звономъ разсыпался. Съ жадностью мать
Коробъ схватила, и ну подбирать!
Верхомъ насыпала, вся уморилась
И напоследокъ „но,!“ молвить рѣшилась.

Той-же порою дуракъ все сидѣлъ...
Снова журавль на горохъ прилетѣлъ.
Дурень къ нему осторожно подерался,
Хватъ за крыло и убить обѣщался.
Сталъ его воръ о пощадѣ молить,
Дурень о выкупѣ началъ просить.
Даль ему скатерть журавль съ приказаньемъ:
— „Еслибъ пришло тебѣ кушать желанье—
„Скатерти только скажи „развернись“,
„А пообѣдаешь—молви „свернись!“

Дурень взялъ скатерть, велѣлъ развернуться,
Выпилъ, поѣлъ, приказалъ ей свернуться—
Мигомъ исполнила скатерть приказъ.
Дурень принесъ ее въ избу тотчасъ,
Подаль старухѣ, прибавивши строго:
„Въ скатерти этой диковины много;
„Ты ей, смотри, не скажи: „развернись!“,
„Только и можно велѣть ей „свернись!“
И караулить отправился поле.
Мать-же подумала: „Вретъ онъ, не болѣ...
„Дай-ка, на выворотъ я прикажу
„И „развернись!“ скатерть скажу?“

Слово сказала и та развернулася.
Старая съ жадности вся вострепелася
И все, что было, давай поѣдать;
Послѣ, какъ стало не вмочь ужъ жевать,

Скатерти снова свернуться велѣла,
На печь легла и сейчасъ захрапѣла.

Дурень опять журавля изловилъ,
Смертію лютой ему пригрозилъ;
Тотъ далъ рожокъ, отъ него отступился
И, лишь подъ облакомъ вновь очутился,
Сверху учить принялся дурака:
— „Дурень, попробуй сказать „изъ рожка!“.
Дурень, попробовалъ: мигомъ явилась
Пара дубинокъ, на него опустилась
И, словно жито, давай молотить.
Видитъ журавль, что пора прекратить—
Силы послѣднія въ дурнѣ остались—
Крикнулъ: „въ рожокъ!“—и дубинки убрались.
Дурень со страху домой побѣжалъ,
Строго старухѣ своей наказалъ:
— „Ты говорить: „изъ рожка!“ берегися,
„Только „въ рожокъ!“ говорить не страшися“.
Мать, проводивъ изъ избы дурака,
Тотчасъ вскричала:— „А ну—изъ рожка!“
Мигомъ дубинки на свѣтъ появились
И пробирать старушонку пустились.
Та принялась во все горло орать...
Слышитъ дуракъ что вопить его мать—
Бросился къ дому, не медля не мало,
Крикнулъ: „въ рожокъ!“—и дубинокъ не стало!

Вздумалось дурню пирушку задать;
Сталъ отовсюду гостей онъ сзывать.
Только собрались, дуракъ и приводитъ
Въ избу коня, къ приглашеннымъ подводитъ
И говоритъ ему ласково: „стой!“
Тотъ серебромъ, передъ всею толпой,
Съ звономъ разсыпался, всѣ удивились,
Послѣ, одумавшись, грабить пустились.
Дурень, помѣшкавши, „но“ прокричалъ —
Конь передъ всѣми по прежнему сталъ.

Видитъ дуракъ, что гостямъ дожидаться
Скучно ужъ стало. — пора угощаться,
Скатерть принесъ, развернуться велѣлъ;
Та развернулась, и всякъ, кто хотѣлъ,
Яствъ и напитковъ напелъ себѣ гору, —
Хоть-бы царю угоститься, такъ впору!
Начали пить, веселиться, гулять;
Послѣ пирушки всѣ стали зѣвать
И дураку, чтобъ развлечься, сказали:
— „Чудо еще показать намъ нельзя-ли?“
Тотъ согласился и вынесъ рожокъ,
Гости со смѣхомъ собрались въ кружокъ,
Новую штуку кругомъ осмотрѣли
И „изъ рожка!“ только крикнуть успѣли —
Мигомъ за дѣло дубинки взялись
И наминать имъ бока принялись.

Взвыли бѣдняги, казну побросали
И, какъ безумные, вонъ побѣжали.
Дурень-же съ маткой сталъ жить-поживать,
Больше да больше добра наживать.

Кузьма Скоробогатый.

Жилъ Кузьма, мужичекъ одинокій,
Средь дремучаго, темнаго лѣса;
Жилъ въ худой, полусгнившей избушкѣ,
Съ пѣтушкомъ да съ полдюжиной куриць.
Вотъ повадилась къ Кузѣ лисичка...
Разъ пошелъ онъ съ утра на охоту,
И лишь въ чащу успѣлъ углубиться,
Какъ лисичка въ избушку вбѣжала,
Одну курочку вмигъ заколола
И изжаривши въ маслицѣ, съѣла.
Воротился Кузьма и подумалъ:
„Вѣрно боршунъ убытка надѣлалъ“. —

Черезъ день онъ опять на охоту...
Попадается встрѣчу лисичка:
— „Ты куда, куманекъ, снарядился?“
— „На охоту лисичка“. — „Счастливо!“
Тотчасъ къ дому его побѣжала.
И, зарѣзавши, курочку съѣла.
Запримѣтилъ нашъ Кузя пропажу:
„Ужъ не лисанька-ль курочекъ давить?“

Ему вспало на умъ догадаться.
И на завтра, въ домишкѣ забывши
Крѣпко на-крѣпко окна и двери,
Онъ на промыселъ снова пустился.
Повстрѣчалась съ Кузьмою лисичка:
— „Ты куда, куманекъ?“ — „На охоту!“
Побѣжала лисичка къ избушкѣ,
А Кузьма повернулъ, да за нею.
Видить: ходитъ лиса вокругъ дома
И лазейки никакъ не отыщеть;
Вдругъ надумалась:—влѣзла на крышу
И въ трубу дымовую спустилась.
Тутъ Кузьма, изловивши воровку,
Пригрозилъ, что сдеретъ съ нея шкуру;
У лисички въ глазахъ потемнѣло, —
Стала Кузю молить о прощеньи:
— „Отпусти, что тебѣ въ моемъ мѣхѣ?
„Я Кузьмой тебя Скоробогатымъ
„Тотчасъ сдѣлаю; курочку только
„Ты изжарь для меня пожирнѣе.“
Согласился Кузьма, а лисичка,
Понаѣвшись куриного мяса,
Въ царскій лугъ заливной побѣжала
И давай на лугу томъ кататься.

Вотъ бѣжитъ тощій волкъ и пытается:
— „Гдѣ, лиса, ты такъ жирно наѣлась?“

— „У царя, куманекъ, пиновала....

„Тамъ звѣрья было всякаго пропастъ, —

„Неужели тебя не позвали?“

Волкъ и просить:— „Кума, не сведешь-ли

„Ты меня во дворецъ пообѣдать?“

Обѣщала лиса и велѣла,

Чтобъ волковъ онъ привелъ за собою

Сорокъ сороковъ самыхъ матерыхъ.

Волкъ пригналъ ихъ; лисичка тотчасъ-же

Повела ихъ къ дворцу, какъ барановъ,

И сказала царю, что подарокъ

Посланъ Скоробогатымъ Кузьмою.

Благодарствовалъ царь — и всю стаю

Приказалъ, перегнавши въ ограду,

Запереть и беречь пуще глазу.

А лисичка къ Кузьмѣ побѣжала,

Доложила ему все, какъ было,

И, наѣвшись жаркого до сыта,

Въ царскій лугъ заповѣдный пустилась,

И давай по травѣ по зеленой кататься.

Пробѣгаетъ медвѣдь косолапый:

— „Гдѣ, лиса, ты такъ плотно наѣлась?“

— „У царя, куманекъ, пиновала....

„Насъ, звѣрья, было всякаго пропастъ,

„И сейчасъ тамъ гостятъ еще волки!

Мишка просить:— „Кума, не сведешь-ли

„И меня во дворецъ пообѣдать?“

Обѣщала лиса и велѣла,

Чтобъ немедля привелъ онъ съ собою

Сорокъ собоковъ черныхъ медвѣдей:

— „Угощать одного царь не станетъ!“

Собралъ Мишка; лисичка всю стаю

Повела ко дворцу, какъ барановъ,

И, царю поклонившись, сказала,

Что прислалъ ее Скоробогатый.

Благодарствовалъ царь—и медвѣдей

Приказалъ, перегнавши въ ограду,

Запереть и беречь пуще глазу.

А лисичка къ Кузьмѣ побѣжала,

Обо всемъ донесла по порядку,

И велѣла изжарить скорѣе

Пѣтушка да двухъ курицъ послѣднихъ.

Не жалѣя, Кузьма согласился

И лисичкѣ обѣдъ приготовилъ;

Та, наѣвшись куриного мяса,

Въ царскій лугъ заповѣдный пустилась,

И давай на лугу томъ кататься.

Вотъ бѣгутъ мимо соболя съ кунницей:

— „Гдѣ, лиса, ты такъ жирно наѣлась?“

— „У царя я въ почетѣ великомъ...“

„У него и поѣла я вволю!“

„Онъ обѣдомъ звѣрей нынче кормить,

„И обжоры медвѣди, и волки

„До сихъ поръ тамъ сидятъ и пируютъ“.
Просятъ лисаньку соболь съ куницей:
— „Ахъ, кума, кабы ты насъ сводила,
„На царя намъ дала наглядѣться“!
Обѣщала лиса и велѣла
Имъ согнать для обѣда, немедля,
Соболей и куницъ въ одно мѣсто
Сорокъ сороковъ самыхъ пушистыхъ:
— „Угощать васъ однихъ царь не станетъ!“
Вотъ пригнали; лисичка всю стаю
Повела ко дворцу за собою
И царю, поклонившись, сказала,
Что прислалъ ее Скоробогатый.
Царь богатству его подивился,
Съ благодарностью принялъ подарокъ
И велѣлъ, всѣхъ звѣрей перерѣзавъ,
Поснимать съ нихъ пушистыя шкуры.

Черезъ день наша лисанька снова
Прибѣгаетъ къ царю съ порученьемъ:
— „Приказалъ-де-вамъ Скоробогатый
„Свой поклонъ отнести и дубовый
„Четверикъ попросить не надолго,—
„Серебро намъ размѣривать нужно,
„А свои всѣ подъ золото взяты“.
Царь сейчасъ-же велѣлъ его выдать,
И лисичка къ Кузьмѣ побѣжала.

„Мѣрь песокъ говоритъ—поприлежнѣй,—

„Надо высвѣтлить царскую мѣру“.

Кузя взялся тотчасъ за работу,

И на утро, заткнувъ въ зауторы

Горсть серебряныхъ денегъ, лисичка

Понесла четверикъ тотъ обратно.

Вотъ пришла во дворецъ—и царевну

За Кузьму у царя стала сватать.

Царь велѣлъ пріѣзжать, показаться...

Снарядился Кузьма, а лисичка

Осмотрѣвъ, видитъ дѣло неладно;

Жениховскій кафтанъ весь въ заплаткахъ!

Забѣжала впередъ и рабочихъ

Подпилить подрядила мосточекъ.

Кузя въѣхалъ, и тотчасъ-же мостикъ

Подъ конемъ его рушился въ воду.

Закричала лиса благимъ матомъ:

— „Ахъ, не выплыветъ Скоробогатый!“

Царь услышалъ и выслалъ придворныхъ

Перехватывать Кузю изъ рѣчки.

Вотъ спасли и, одѣвши нарядно,

Повели во дворецъ на смотрины.

Царь Кузьму принялъ съ честью и лаской

И немедля отпраздновалъ свадьбу.

Вотъ живутъ молодые у тестя

И недѣлю, и двѣ, и за мѣсяцъ...

Захотѣлось царю прокатиться,
Поглядѣть на имѣнія зятя.
Дѣлать нечего: надо собираться!
Запрягли лошадей, покатили,
А лисичка впередъ побѣжала,
Видить: стадо овечье пасется;
— „Стадо чье“? Говорятъ:— „Царя-Змѣя“.
Вотъ лиса пастухамъ наказала:
— „Отвѣчайте что стадомъ владѣть
„Знатный баринъ вашъ Скоробогатый;
„А не скажете—будетъ вамъ худо:
„Сзади ѣдутъ Огонь-царь съ царицей
„И сожгутъ васъ скорехонько въ пепелъ“.

Пастухи, оробѣвъ, общались,
А лисичка впередъ припустила.
Видить: стадо свиное пасется..
— „Стадо чье“? Говорятъ:— „Царя-Змѣя“
— „Отвѣчайте, что стадомъ владѣть
„Знатный баринъ вашъ Скоробогатый;
„А не скажете—будетъ вамъ худо:
„Сзади ѣдутъ Огонь-царь съ царицей
„И сожгутъ васъ скорехонько въ пепелъ“.

Пастухи, оробѣвъ, согласились,
А лисичка впередъ побѣжала.
Догнала она стадо коровье,
Съ табуномъ повстрѣчалася конскимъ,
Увидала и стадо верблюжье,

И вездѣ пастухамъ приказала
Отвѣчать, что стадами владѣетъ
Знатный баринъ ихъ Скоробогатый;
А не скажутъ — Огонь-царь съ царицей
Превратятъ ихъ скорехонько въ пепель.

Вотъ опять припустила лисичка;
Прибѣгаетъ въ змѣиное царство
И давай нагонять царю страху:
— „Ну, царь-Змѣй! поскорѣй хоронися:
„Ѣдутъ грозный Огонь-царь съ царицей,
„Все до тла и палятъ, и сжигаютъ;
„Всѣ стада поприжгли; я, бѣжавши,
„Чуть отъ дыма сама не задохлась!“
Затужилъ бѣдный Змѣй, перетрусилъ
И не знаетъ куда схорониться.

— „Есть въ саду у тебя дубъ старинный,
„Середина его вся погнила;
„Лѣзь въ дупло и сиди себѣ смирно
„До тѣхъ поръ, пока царь не проѣдетъ“.
Змѣй совѣта лисички послушалъ
И въ дубовомъ дуплѣ притаился.

А Кузьма себѣ ѣдетъ да ѣдетъ...
Подѣзжаютъ къ овечьему стаду:
— „Кто владѣлецъ?“ спросила царевна
— „Знатный баринъ нашъ Скоробогатый,“
Пастухи молодой отвѣчаютъ.

Царь радешенекъ, хвалить овечегъ.

Їдутъ дальше; свиней увидали:

— „Кто владѣлецъ?“ пытается царевна.

— „Знатный баринъ нашъ Скоробогатый“.

Царь Кузьму отъ души поздравляетъ.

Їдутъ дальше и дальше; встрѣчаютъ

И коровъ, и коней, и верблюдовъ,—

И вездѣ пастухи отвѣчаютъ,

Что владѣлецъ тѣхъ стадъ богатѣйшихъ—

Знатный баринъ ихъ Скоробогатый.

Наконецъ, ко дворцу подкатили...

Къ нимъ навстрѣчу лисичка выходитъ

И ведетъ въ золотыя палаты.

Какъ вошли только—царь такъ и ахнулъ!

Сдиву даже глаза разбѣжались:

Такъ разубрано все, такъ богато!

Стали ѣсть, пировать, веселиться...

Вотъ недѣля прошла—и лисичка

Такъ Кузьмѣ говоритъ: „Брось гулянку,

„Да скорѣй принимайся за дѣло:

„Въ садъ зеленый идите вы съ тестемъ;

„Въ томъ саду старый дубъ, а въ срединѣ

„Змѣй лихой отъ тебя схоронился;

„Вы, не мѣшкая, его разстрѣляйте.

Кузя тотчасъ совѣта послушалъ:

Въ садъ зеленый пошелъ вмѣстѣ съ тестемъ,

И, дошедши до стараго дуба,

Стали стрѣлы метать въ середину
И убили на смерть царя-Змѣя.

Кузя въ царствѣ потомъ воцарился,
Началъ жить съ молодою женою
Да добро наживать малымъ дѣткамъ;
А лису каждый день угощали
Свѣжей курочкой, жареной въ маслѣ,
И до тѣхъ поръ она тамъ гостила,
Пока курочекъ всѣхъ не пріѣла.

